

АНАСТАСИЯ БОЙЦОВА родилась в Орле. Училась на литературном факультете Орловского государственного педагогического института. Стихи писать всерьез начала с двадцати двух лет. Долго не спешила с публикациями, но уже первые из них стали серьёзной заявкой на профессиональную литературную работу.

Участник областного семинара молодых литераторов в Орле (2006). Автор книги "Стихи и поэма" (2008), изданной в порядке государственного заказа администрации Орловской области как работа состоявшегося литератора.

Стихи публиковались в газетах "Просторы России", "Орловский вестник", "Поколение", в ежегодном альманахе Орловской областной организации Союза писателей России "Орёл литературный".

За профессиональное мастерство, активную и плодотворную работу в молодёжном литературном объединении по рекомендации правления Орловской областной организации Союза писателей России была направлена на Всероссийский семинар молодых литераторов в г. Гусь-Хрустальный, где в апреле 2009 года была принята в Союз писателей России.

КРУТ, НАЧАЛА НЕ БЕРУЩИЙ...

ВИДЕНИЕ

Сон живой и осязаемый:
Обрамление картины
Ускользает. Был и пребыл.
Фон один – ночное небо;
Нет, не звездная безбрежность –
Желтоватые, как прежде,
Отблески огней подвижных
Под окном, где сплю и вижу.

Тот же город, снами скован;
Знак присутствия людского
Ниже самых нижних кромок;
Но над городом, в огромный
Рост – и по своим, нездешним
Меркам – в воинской одежде,
Не запомнившейся плотики, –
Страж его. Неясный отсвет
Ткани, охватившей плечи...

Сам венец едва намечен,
Невесомый и гнетущий,
Но под ним такую тучей –
Неподвижные, как камень,
Кудри... Темное сверканье,
Нимб столь царственный и пышный,
Что почти уже излишней
Кажется за их волнами
Та огромная, двойная,
Тень – размах, наверно, в милю! –
Чуть колеблемые крылья.
Тишина. Дохни – гром грянет!
Под тяжелыми кудрями –
Гневный лоб тяжелодумный...
Значит, так тебя под дубом
Лотарингии далекой
Видела широким оком
Девочка с пастушьей сумкой?
Тишина длиною в сутки,
Впечатленья, что не вянет...
Под смолистыми бровями,
Как двойное “будь что будет”,
Как распахнутые в бурю
Окна – молния за каждым! –
Бездной, повторенной дважды, –
Два бессонных чутких ока...
Вместо слов – орлиный клекот
Издавать должны такие!
Но, ресницами окинув
Круг, начала не берущий,
Ты молчанья не нарушил.
Вспоминаемой заочно
Мелочью – сразило вот что
(Зренья, свойственное женам!):
Мягкий, словно отраженный
Блеск багрянца и металла –
Будто ночь, в которой встал он
Над знакомою картиной,
Все сиянье поглотила,
Кроме глаз. Недвижней статуй,
Значит, вот каким предстал ты
Над гранадской колокольней?

Не похоже. Не такое
Все: лицо, обличье, поза.
Не прирученный, а грозный
В грозном свете этих молний;
Не певучий, а безмолвный,
Как положено на страже
Часовому. Роль все та же –
Да иного не обрящем! –
Вахтенный. Впередсмотрящий
Всех судов. Незримый кормчий
Всех, чей путь еще не кончен
На земле. Солдат – не ангел!
Не таким ли в Орлеане
Нес невидимой рукою
Орифламму*? И отколе
Ждать беды на этот город,
Если ты, стопою гордой
В мутном воздухе повиснув,
Сам хранить его явился?
Что за вексель не оплачен?
Или просто обозначил
Над своим давнишним леном
Власть и право сюзерена?
Тишь, ни звука. Страх. Блаженство.
Лишь рука, извечным жестом –
Жестом всех на свете песен! –
Сомкнутая на эфесе,
Может, что-то означала...
Так, хранитель от начала
Над творением непрочным,
Ты предстал однажды ночью
Не в раю, не на Синае –
Здесь, крылами осеняя
Город, псов, автомобили...
Здесь, где пели и любили,
Здесь, где тленно и неечно,
Здесь, где церковка над речкой
Носит в каменном сиротстве
Имя – явно не по росту –
Но ведь это, не другое!
Выкованное, как в горне,
Выплавленное, как в тигле:
Воина-архистратига.

РАХИЛЬ

Оскорбленный Иаков на тестя орал:

“На кой мне

Твои боги? Их сделал горшечник!

Они из глины!”

А Рахиль улыбалась насмешливо и спокойно,
Восседая царицей на ложе своем невинном.

С затаенной отвагой гордилась

каждым мгновеньем,

Упивалась сознанием, что так провела обоих...

А Лаван в исступлении на зятя ревел:

“Не верю!”

И раздор о покраже катился

к спорам о Боге.

А Рахиль не вставала, Рахиль

спокойно сидела,

И блестела насмешка в глазах,

подведенных синим...

Ибо в доводы мести мужей посвящать –

не дело,

А отцы в справедливости смыслят, как

в апельсине.

Ибо час ее мести был свеж,

как благодостный ливень,

И опасность была ей легка, и обман несложен...

Ибо прежде отец не спросил ни ее, ни Лию,
Жениху подменяя награду на брачном ложе.

Но и Лии она, свою тайну оберегая,

Не сказала ни слова,

прокрадываясь в молельню.

Ничего не поправишь – отец их сделал

врагами

На беду сыновьям, на проклятье

ста поколений.

Проживем без наперсников!

Темень – хоть искупайся;

Может статься, сообщник бы струсил

на полдороге...

У нее у одной не дрожали смуглые пальцы,

У нее у одной не скользили легкие ноги.

Для нее для единственной –

нет незнакомой щели

В потаенном подвале среди кладовых

и житниц...

Это час ее славы, дорога женского мщенья,

И она не отступится. Так что лучше держитесь,

Господин и отец мой, супруг мой

и повелитель!

Поругаетесь вволю – вам есть о чем

побалакать!

А Рахиль не промолвит ни слова –

хоть заколите –

В час, когда Вафуилов сын пойдет по палаткам.

Полетят и посуда, и тряпки – будет красиво!

И наполнится воздух бурленьем брани

и плевел...

А Рахиль не привстанет – едва ли

сдвинете силой! –

На себя горделиво приняв свое преступление.

Потому что наш жребий суров,

а жены терпимы,

И кротки, и покорны мужьям, отцам

и закону...

Но почти что у каждой отцовские терафимы

Греют душу и плоть под верблюжьей

старой попоной.

